

ЕЖ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ (опыт классификации по указателю АТУ)

Т. Г. Басангова¹, Ф. Х. Гулиева²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Элиста, Россия

e-mail: basangova49@yandex.ru

²Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН,
Нальчик, Россия

e-mail: gfariza37@mail.ru

Аннотация. В представленной статье исследуются особенности реализации образа ежа в устно-поэтической традиции ряда народов Северного Кавказа. Цель работы – изучение обозначенного образа на предмет выявления универсальных черт и этнически индивидуальных особенностей его реализации в образцах устной словесности данного ареала с применением указателя сюжетов Аарне-Томпсона-Утера (АТУ). Материалом исследования послужили фольклорные тексты и этнографические заметки о быте и культуре отдельных северо-кавказских этносов, выявленные методом сплошной выборки. В работе применены описательный, типологический, системный, сравнительно-исторический и сопоставительный методы анализа. Изучение выявленного материала показало, что для многих народов рассматриваемого ареала еж являлся в прошлом тотемным животным, однако информация о его культе сохранилась лишь в обрывочной форме (существование запрета на убийство, применение в ритуалах в качестве оберега, упоминания в пословицах, поговорках, загадках и т. п.). Данный образ в наиболее полной форме реализован в сказках. Выявлено, что, хотя еж в северо-кавказской фольклорной традиции и не относится к числу популярных героев-животных, с ним связан ряд универсальных, сходных с общемировыми сюжетов и мотивов, которые, тем не менее, были переосмыслены, переработаны, трансформированы и дополнены каждым народом в соответствии со своим миропониманием, менталитетом, чья специфика обусловлена целым комплексом причин, таких как особенности этногенеза, среды обитания, исторического развития, межкультурных коммуникаций. Сопоставление сказочных текстов с указателем АТУ показало, что некоторые из встречающихся в мировом фонде сюжетов и мотивов с участием ежа, в устном народном творчестве северо-кавказских этносов соотносятся с другими животными персонажами, кроме того, в них реализован не весь спектр символических значений и функций рассматриваемого образа. Полученные в ходе исследования результаты могут найти применение при дальнейшем, более углубленном и детальном изучении образа ежа на материале отдельных этносов с целью выявления типологических и специфических черт, а описание мотивного фонда, касающегося образа ежа в северокавказском регионе, по АТУ позволит внести анализируемые тексты в научный оборот и определить их место в мировой классификации фольклора.

Ключевые слова: фольклор; этнография; еж; указатель сюжетов; универсалии; этническая специфика; образ; символ; культурный герой; оберег; положительный персонаж

Для цитирования: Басангова Т. Г., Гулиева Ф. Х. Еж в северо-кавказской фольклорной традиции (опыт классификации по указателю АТУ). *Эпосоведение*. 2025;4(40):16–26. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-16-26>

Original article

Hedgehog in the North Caucasian folklore tradition (an attempt of classification, according to the ATU Index)

Tamara G. Basangova¹, Farizat H. Gulieva²

¹B. B. Gorodovikov Kalmyk state university, Elista, Russia

e-mail: basangova49@yandex.ru

²Institute for the humanities research of Kabardian-Balkarian scientific center

of the Russian academy of sciences, Nalchik, Russia

e-mail: gfariza37@mail.ru

Abstract. This article explores the specific of embodiment of the hedgehog image in the oral poetry traditions of several peoples of the North Caucasus. The aim of the study is to identify universal features and ethnically distinct characteristics of its embodiment in oral literature samples from this region, using the Aarne-Thompson-Uther index of subjects (ATU). The research material consists of folklore texts and ethnographic notes on the life and culture of individual North Caucasian ethnic groups, identified using a continuous sampling method. The study also utilized descriptive, typological, systemic, comparative-historical, and contrastive methods of analysis. The study of the identified material revealed, that for many peoples of the region, the hedgehog was a totem animal in the past. However, information about its cult has survived only in fragmentary form (the existence of a ban on killing, its use in rituals as a talisman, references in proverbs, sayings, riddles, etc.). This image is most fully realized in fairy-tales. Although not a popular animal hero in North Caucasian folklore, it was revealed that the hedgehog is associated with a number of universal plots and motifs, similar to those found worldwide. Nevertheless, they have been reinterpreted, reworked, transformed and expanded upon by each people in accordance with their own worldview and mentality, the specificity of which is determined by a complex set of factors, such as ethnogenesis, habitat, historical development and intercultural communication. A comparison of fairy-tale texts with the ATU index revealed that some of the globally available plots and motifs, featuring the hedgehog, are associated with other animal characters in the oral folklore of North Caucasian ethnic groups. Furthermore, these motifs do not fully encompass the symbolic meanings and functions of this image. The results obtained in this work can be applied to further, more in-depth and detailed studies of the hedgehog image in individual ethnic groups to identify common typological and specific features. A description of the motif collection, related to the hedgehog image in the North Caucasus region, according to the ATU, will allow the analyzed texts to be included in scholarly circulation and their place in the global classification of folklore.

Keywords: folklore; ethnography; hedgehog; index of plots; universals; ethnic specificity; image; symbol; cultural hero; talisman; positive character

For citation: Basangova, T. G., Gulieva, F. Kh. Hedgehog in the North Caucasian folklore tradition (an attempt of classification, according to the ATU Index). *Eposovedenie*. 2025;4(40):16–26 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-16-26>.

Введение

Зооморфные образы занимают важное место в фольклоре любого народа. Особый интерес исследователей к ним обусловлен их древностью и тесной связью с тотемистическими воззрениями народа-носителя, их участием (применением) в ритуально-обрядовой практике. Кроме того, путем отслеживания их трансформации/снижения можно восстановить эволюционный путь развития мышления, смену одних представлений о мироустройстве, религиозных воззрений другими. Изучение же подобных вопросов с применением типологического и системного подходов способствует выявлению универсальных (общемировых) и специфических (этнически индивидуальных) черт рассматриваемых явлений. В связи с этим объектом исследования ученых становятся не только сказки (в первую очередь, конечно, анималистические), но и тексты, относящиеся к другим жанрам фольклора, с привлечением и этнографических материалов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9 и др.]. Тем не менее, несмотря на значительное число работ в данной

области, указанное направление изысканий все еще остается актуальным ввиду неравномерности развития национальных фольклористик.

Представленная статья продолжает обозначенную тенденцию и посвящена малоисследованному в северо-кавказской филологии зооморфному образу – ежу. В мировой и отечественной фольклористике он уже становился объектом научного интереса и был исследован в культурной традиции славянских, в т. ч. и русского [1; 5; 10; 11], киргизского [12], калмыцкого [13; 14] и др. народов. В то же время недостаточная освещенность данного вопроса в северо-кавказских гуманитарных исследованиях не позволяет создать полноценное представление о возникновении, эволюции и трансформации, универсальных и этнически обусловленных чертах данного образа мирового фольклора.

Исходя из изложенного, цель данного исследования заключается в изучении образа ежа на устно-поэтическом и этнографическом материале ряда народов Северного Кавказа с применением комплексного подхода, а также в анализе сюжетики, структуры, отдельных мотивов на основе фольклорного указателя АТУ. Для ее достижения методом сплошной выборки были извлечены соответствующие тексты, выявлены научные разработки по интересующей нас тематике, которые были подвергнуты анализу и характеристике с применением описательного, типологического, сравнительно-исторического и сопоставительного методов.

Образ ежа в мировой и северо-кавказской культурной традиции

В мифологических представлениях народов мира еж предстает как многогранный зооморфный образ, который трансформировался, обрстал новыми качествами, функциями или, наоборот, утрачивал их по мере эволюции человеческого мышления, мировоззрения, миропонимания. Свидетельством существования культа определенного животного в том или ином коллективе, сообществе людей могут служить самоназвание, связь происхождения племени или рода от данного представителя фауны, почтительное отношение к нему самому, применение частей его тела как лекарственного средства, использование шкуры, костей и даже фигурок и изображений в качестве оберега, тотема, фетиша. Кроме того, в некоторых случаях зоолатрические и тотемистические воззрения способствовали появлению запрета на убийство соответствующего животного [15, с. 177].

Всеми подобными характеристиками наделен и еж в культурной традиции различных племен и народов. Данному образу приписываются черты хтонического или солярного существа, он наделяется демиургическими качествами (выступает как мудрый и всеведущий советник Бога). Кроме того, он выполняет космические функции, связанные с сотворением мира (у жителей Балто-Балканского ареала [10, с. 79], у славянских народов [1, с. 257–261], у калмыков [13, с. 34; 14, с. 399–400] и др.). Еж/дикобраз у народов Центральной Азии, Ирана и Восточной Африки ассоциировался с даром огня (поскольку при сворачивании напоминал солнце с лучами) и сельским хозяйством (как культурный герой). Ему стала приписываться воинственность после того, как он стал атрибутом вавилонской богини войны Иштар [15, с. 179; 16, с. 43]. Древние египтяне почитали его как змееборца, связанного с богом солнца Амон-Ра, а японцы считали его символом мужества, доблести и скромности, неутомимым борцом с силами зла и неведения [9].

Христианская традиция описывала его как сообразительного, но прожорливого зверька [15, с. 179; 16, с. 43].

Киргизский фольклор наделяет ежа даром красноречия, он характеризуется как знатный оратор, поборник справедливости, вследствие чего традиционно его изображают в белых головных уборах наподобие шляпы, считающихся символами власти и мудрости [12].

В калмыцком народно-поэтическом творчестве еж, помимо прочего, выступает как культурный герой, с которым связывается создание этапов свадебного ритуала [13, с. 34].

Культурным героем, который научил людей обороняться от врагов посредством частокола, острых пик и копий, строить укрытия и запасать провизию на зиму, в представлениях восточ-

ных славян также является еж [12]. Также, согласно мифологическим представлениям славян, еж, благодаря своим острым иголкам, обладал «отвращающей», обережной силой [11], имеются свидетельства и о применении его в лечебных целях [1, с. 257–261; 11].

В целом, рассматриваемый зверек выступает как положительный персонаж, символ дружелюбия, мудрый советчик, упорный труженик, изобретательный мастер [5, с. 227]. Однако в некоторых культурах отмечается некоторая двойственность его образа, обусловленная, с одной стороны, несоответствием ряда встречающихся в текстах характеристик ежа образу положительного героя (например, сердитость, вздорность, скупость, хулиганство, непослушание, строптивость, отраженные в славянском фольклоре [11]), с другой – его связью с нечистой силой (из-за чего он упоминается как «нечистое животное»), более того, по литовским суеверным представлениям, в ежа могли превращаться старухи и ведьмы [10, с. 79–80, 86].

Изображения ежа татуировали неуязвимые индейские воины многих племен [9].

В северо-кавказской фольклорной традиции на данный момент еще нет трудов, в которых образ ежа подвергся бы всестороннему, исчерпывающему анализу. Обусловлен сей факт, вероятнее всего, тем, что многие народы обозначенного региона относятся к числу младописанных и, соответственно, не имели возможности своевременно фиксировать сведения о своей духовной и материальной культуре. Соответственно, слабая представленность фольклорных текстов с участием ежа, а также то, что он не входит в круг популярных зооморфных героев, не способствовали повышенному исследовательскому интересу со стороны ученых. Исключения составляет только статья К. Ю. Рахно «Ёж в сказках и нарттовском эпосе осетин: древнеиранские истоки образа», в которой автор отмечает, что в осетинских нартских сказаниях происхождение ежа связывается с превращением по воле Бога мудреца Уызына, который правильно ответил на три вопроса и тем самым спас людей от истребления, а Уастырджи в благодарность подарил ему колючугу. Продолжая свои благие деяния уже в новой ипостаси, в награду за доброту и чуткость он получает усы Сослана в качестве колючек [17, с. 197, 204].

Что касается других национальных культур, выявлено, что в них сохранились лишь обрывочные сведения, упоминания, а не развернутая информация об изучаемом образе, его воплощении и трансформации в фольклорных текстах, бытовании его культа. К примеру, в среде карачаевцев и балкарцев сохранились:

- именованья ежа на тайном охотничьем языке (*ийнели* ‘игольчатый’, *ийнели къыппа* ‘колючий клубок’, *шинжилли топ* ‘мячик с колючками’, *окълу* ‘со стрелами’, *чыгъанакътюк* ‘с шерстью как колючка/заноза’ [18, с. 487; 19, с. 59]);

- поверье о происхождении его от свиньи [20, с. 40] (связь со свиньей прослеживается также среди украинцев, поляков, в частности, жителей восточной Малопольши [1, с. 259–260]) и одновременно о небесном, космическом характере его появления [21, с. 268];

- запрет на убийство или беспокойство ежа [22, с. 118], встречающийся и в священных зороастрийских текстах [17, с. 205];

- вера в обережную силу шерстки, иголок, шкурки, вышивок с изображением данного зверька, применявшихся в ритуалах родильного и детского циклов [18, с. 279; 23, с. 9].

Кроме того, в карачаево-балкарских пословицах и поговорках еж упоминается главным образом как средство характеристики или воспитания определенных качеств человека, основанное на его внешних или поведенческих особенностях: *Джауунъа кирпи бола бил* [24, с. 112] ‘Умей быть ежом для своего врага (т. е. сопротивляться, противостоять врагу)’; *Кирпи суугъа тюшмесе, башын ачмайды* [24, с. 112] ‘Если еж не упадет в воду, свою голову не раскрывает’; *Мырхыкча да жабышма, кирпица да чанчылма* [19, с. 466] ‘И как репей не приставай, и как еж не колись’; *Кесинде болса – кирпи, биреуде болса – тюкю* [24, с. 392] ‘Если у самого есть – еж, если у кого-то есть – лиса’; *Юйге – кирпи, тышына – супу* [24, с. 112] ‘Для дома – еж, снаружи – святой’; *Кирпи тонуму кийдирме* [24, с. 112] ‘Не вынуждай меня надевать свой ежовый полушубок’. Из приведенных примеров видно, что еж в представлении карачаевцев и балкарцев

является осторожным, но в то же время умеющим дать отпор противнику зверьком, обладающим в некоторой степени неуживчивым, вредным, «колючим» характером.

Следует отметить, что наиболее полно образ ежа сохранился и был реализован в сказочных текстах, в которых предстает как сообразительный, умудренный жизненным опытом, справедливый персонаж, который вопреки своим малым размерам одерживает победу над более сильными противниками благодаря хитрости и смекалке [6, с. 79].

В ходе работы нами были выявлены пять текстов сказок с участием обозначенного героя: карачаево-балкарские сказки «*Ётюрюкчюню кьюйругу бир тутум*» («Хвост лгуна – один хват») [25, с. 270–271], «*Буу бла кирти*» («Олень и еж») [26, с. 103–105], кабардинская сказка «Мудрый еж» [27], бжедугская сказка «Клятва ежихи» [28, с. 350–352] и ногойская сказка «Как еж придумал серп» [29, с. 243–244]. Проанализируем их с применением указателя ATU.

Классификация сказок народов Северного Кавказа по ATU

Указатель ATU представляет собой наиболее популярную на данный момент общепризнанную, обладающую самой обширной базой систему классификации сюжетов и мотивов народной сказки. Он был подготовлен Х.-Й. Утером на основе предшествующих указателей А. Аарне (1910) и С. Томпсона (1927) и издан в 2004 г. (переиздан в 2011 г. [30]) [31, с. 20].

В Указателе Г.-Й. Утера [30] еж упоминается редко. В первую очередь, это индексы ATU 80 – «Еж в логове барсука»; ATU 105* – «Единственный трюк ежика»; 275С – «Гонка между зайцем и ежом»; ATU 293G* – «Еж, шиллинг и джентльмен»; ATU 441 – «Ганс, мой ежик». Также сюда примыкает ряд сюжетных типов, в вариантах которых еж является «подменяющим» участником: ATU 9 – «Несправедливый партнер»; ATU 30 – «Лиса обманом заманивает волка в яму»; ATU 32 – «Волк спускается в колодец в одном ведре и спасает лису в другом»; ATU 41 – «Волк объедается в погребке»; ATU 44 – «Клятва на железе»; ATU 52 – «Осел без сердца»; ATU 212 – «Лживая коза»; ATU 910L – «Не отгоняйте насекомых».

Интересно отметить, что полностью идентичных указанным сюжетов в северо-кавказской традиции нет. Однако возможно наличие схожих или комбинированных вариантов. Так, например, сюжетный тип ATU 441 – «Ганс, мой ежик» в карачаево-балкарской традиции реализован через образ ягненка, родившегося у пожилой бездетной пары [32, с. 402–404].

Остановимся подробнее на описании выявленных нами пяти сказок с участием ежа.

Карачаево-балкарская сказка «*Ётюрюкчюню кьюйругу бир тутум*» («Хвост лгуна – один хват») [26, с. 270–271] и кабардинская сказка «Мудрый еж» [25] – типичная для многих традиций сказка на комбинированный сюжет с участием людей и животных персонажей, где через диалог и разрешение спорной ситуации раскрываются характерологические черты героев: хитрости, самоуверенности и беспринципности лисы противопоставляются находчивость, смекалка и справедливость ежа.

Краткое содержание (по доступным источникам)

Некий путник (в кабардинской версии сын Хачага Батараз) во время остановки привязывает свою жеребую кобылу к телеге своего хитрого спутника. Когда кобыла ожеребилась, хитрый спутник (хозяин дома) решает присвоить жеребенка и объявляет его родившимся от телеги. Не сумев разобраться сами, спорщики обращаются в суд зверей, где лиса занимает сторону мошенников, а еж становится представителем пострадавшей стороны.

В день заседания суда еж намеренно сильно опаздывает и в качестве оправдания приводит абсурдную причину: в карачаево-балкарской версии посреди лета разразилась снежная буря, и он в силу своих маленьких размеров не смог быстро добраться; в кабардинской версии еж задержался из-за того, что сеном тушил загоревшийся Кавказский хребет. Несправедливость притязаний хитрого спутника/хозяина дома становится очевидной и жеребенка возвращают истинному владельцу.

Место в указателе ATU

Сюжет соотносится с международным типом: ATU 875E – «Несправедливое решение: Маслобойня рождает жеребенка».

Ключевые признаки ATU 875E:

Главный герой – путник (бедный сосед);

Антагонист – хозяин маслобойни (богатый сосед);

Решение спора о том, кто или что является матерью новорожденного жеребенка и кому он принадлежит;

Зооморфный помощник, судья-шакал;

Нелепое оправдание опоздания, позволяющее раскрыть абсурдность притязаний мошенников;

Торжество справедливости.

В карачаево-балкарской версии вместо шакала – еж, что отражает распространенный зооморфный код (еж – символ мудрости и справедливости в фольклоре многих народов мира).

Культурно-специфические особенности:

Персонажи: *Лиса* – символ хитрости, самолюбования и беспринципности. *Еж* – символ маленького, но мудрого и справедливого героя, чье оружие – острый ум.

Мораль: Не стоит верить в безнаказанность и возможность с помощью наглости и лжи добиться всего желаемого. Ложь не может долго оставаться не раскрытой (У лжи короткие ноги).

Стиль: Диалогичность: спор и разрешение конфликта через суд зверей. Лаконизм и наглядность морали.

Сказка «*Буу бла кирти*» («*Олень и еж*») [26, с. 103–105] относится к карачаево-балкарскому фольклору. Это типичная для многих традиций сказка о животных, где через диалог и состязание раскрываются характерологические черты персонажей: сила и самоуверенность оленя противопоставляются хитрости и мудрости ежа.

Краткое содержание (по доступным источникам)

Олень, гордясь своей силой и скоростью, насмехается над ежом за медлительность и «нелепый» облик. Еж, не вступая в открытую ссору, предлагает проверить, кто быстрее обежит определенное пространство. Используя хитрость (часто – помощь ежихи или собственное отражение), еж «обгоняет» оленя: пока олень бежит полный круг, еж перебегает на противоположную сторону и ждет его там. Олень признает поражение, а еж демонстрирует, что ум и находчивость важнее грубой силы.

Место в указателе ATU

Сюжет соотносится с международным типом: ATU 275C – «Гонка между зайцем и ежом».

Ключевые признаки ATU 275C:

Главный герой – маленькое, но сообразительное животное (еж, заяц, черепаха);

Антагонист – быстрое и самоуверенное животное (олень, заяц, конь);

Испытание на скорость, где хитрость побеждает силу;

Повторяющаяся формула: герой заранее занимает позицию на финише, создавая иллюзию победы.

В карачаево-балкарской версии вместо зайца – олень (*буу*), что отражает местный зооморфный код (олень – значимый образ в кавказском фольклоре).

Культурно-специфические особенности:

Персонажи: *Олень (Буу)* – символ силы, грации, но также гордыни и недалёковидности. *Еж* – архетип мудрого «маленького героя», чья сила – в уме и подготовке.

Мораль: Не презирай слабого: его ум может оказаться сильнее твоей мощи. Самоуверенность без разума ведет к поражению.

Стиль: Диалогичность: спор и договор о состязании. Повторяющиеся реплики и действия (характерно для устных сказок). Лаконизм и наглядность морали.

Бжедугская сказка «*Клятва ежихи*» [27, с. 350–352] не имеет прямого соответствия в международном указателе сказочных сюжетов Аарне-Томпсона-Утера (ATU). Ее сюжет сочетает элементы нескольких традиционных мотивов, но не вписывается в какой-либо один типовой сюжет полностью.

Основные элементы сказки:

Клятва и ее исполнение – ежиха, чудом избежав гибели в огне, дает клятву совершить три «курмена» (жертвоприношения) и с помощью ежат воплощает ее в жизнь;

Эпизод с медведем и медом – медведь, разоривший пчелиный улей, но не поделившийся медом с ежатами, погибает, упав с дерева;

Соревнование с оленем – ежиха и ежата используют хитрость, чтобы «победить» оленя в забеге, посадив одного ежонка на холм, чтобы он создал иллюзию раннего прибытия;

Конфликт с вороной – ежиха угрожает исчезновением вороньего рода, если ворона заберет мясо, что заставляет ту отказаться от добычи.

Указанные элементы напоминают несколько сюжетов, но не соответствуют ни одному из них полностью. ATU 275C – «Гонка между зайцем и ежом» – в этом типе сюжета маленькое животное (заяц, еж) побеждает большое и сильное благодаря хитрости. Однако в «Клятве ежихи» акцент сделан не только на соревновании, но и на выполнении клятвы. **Мотивы состязания и обмана** – похожи на элементы сказок о животных, где хитрость побеждает силу (например, в сказках о лисе и волке).

Таким образом, «Клятва ежихи» представляет собой уникальный синтез нескольких фольклорных мотивов, характерных для адыгской традиции, но не имеет прямого аналога в международной классификации ATU. Для более точного анализа в будущем можно рассмотреть ее в контексте локальных сказочных традиций Кавказа.

Ногайская сказка «**Как еж придумал серп**» [28, с. 243–244] не имеет прямого соответствия в международном указателе сказочных сюжетов Аарне-Томпсона-Утера (ATU). Ее сюжет сочетает элементы нескольких традиционных мотивов, но не вписывается в какой-либо один типовой сюжет полностью.

Основные элементы сказки:

Этиологический мотив – объяснение происхождения сельскохозяйственного орудия (серпа). Еж, будучи мудрым животным, подсказывает людям способ изготовления серпа, что позволяет им собирать урожай;

Хитрость и подслушивание – кошка подслушивает ворчание ежа, чтобы узнать секрет изготовления серпа. Этот прием часто встречается в сказках о животных, где хитрость побеждает силу или невежество;

Культурный герой – еж выступает как мудрец, дарующий людям жизненно важное знание. Это типичный мотив мифов о происхождении ремесел.

Эти элементы напоминают несколько сюжетов, но не соответствуют ни одному из них полностью. **Животные учат людей ремеслу** – общий класс сказок о передаче знаний от животных к людям, где акцент делается на систематическом обучении, а не на случайном подслушивании.

Мотивы хитрости и подслушивания – встречаются в сказках о мудрых животных (лиса, ворон, еж), но обычно в контексте других сюжетов (например, состязаний или обмана).

Таким образом, «Как еж придумал серп» представляет собой уникальный синтез нескольких фольклорных мотивов, характерных для ногайской традиции, но не имеет прямого аналога в международной классификации ATU.

Заключение

Анализ особенностей реализации образа ежа в фольклорных текстах ряда северо-кавказских народов показал, что он не входит в круг наиболее популярных животных персонажей и, соответственно, произведений с его участием не так много, что несколько усложняет его характеристику. В то же время имеющиеся отдельные упоминания позволяют говорить о существовании в прошлом культа ежа у рассматриваемых этносов, однако подробная информация о месте и роли данного зверька в их мифопоэтической картине мира, по всей видимости, была забыта, утрачена в силу объективных причин, таких как отсутствие письменности в дореволюционный период, эволюция религиозных воззрений, постепенное снижение образа.

Сопоставительный анализ сюжетных типов указателя АТУ и выявленных нами сказок с участием ежа показал отсутствие полных совпадений между ними. В большинстве случаев речь идет о замене одних животных другими, либо людей зооморфными персонажами. Кроме того, многие сюжеты АТУ с участием ежа в северо-кавказской сказочной традиции остались нереализованным. Исходя из этого, можно утверждать, что этническая специфика в каждом конкретном случае проявилась в отборе и комбинировании мотивов и сюжетов, главных и второстепенных персонажей.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении обозначенного зооморфного персонажа, при подготовке научных работ сравнительно-сопоставительного характера, а классификация сюжетов северо-кавказских сказок по системе АТУ будет способствовать внесению проанализированных текстов в научный оборот и определению их места и роли в мировом фольклорном фонде.

Литература

1. Гура А.В. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва: Индрик; 1997:912.
2. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. *Кульм животных в мифоритуальной традиции башкир*. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АН РБ, Гилем; 2012:704.
3. Илимбетова А.Ф. *Кульм птиц у башкир в свете духовного наследия народов мира*. 2-е изд., перераб. и доп. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; 2015:282. (Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН)
4. Басангова Т.Г. Образ ласточки в калмыцком и карачаево-балкарском фольклоре. В кн.: Берберов Б.А. (ред.). *Северокавказская фольклористика: история и современность*. Нальчик: Принт Центр; 2022:30–37.
5. Мосиенко С.Е. Интерпретация образов животных в русской народной и литературной сказке. В кн.: Александрова-Осокина О.Н. (ред.) *Книжная культура Дальневосточного региона: проблемы истории, методики, межкультурной коммуникации*. Материалы IV Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием). Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет; 2022:224–229.
6. Гергокова Л.С. *Карачаево-балкарские сказки о животных*. Нальчик: Принт Центр; 2023:208.
7. Макаров С.С. Змеи и серпентоморфные образы в якутских олонхо (к сравнительному изучению демонологии тюрко-монгольских народов). *Эпосоведение*. 2023;1(29):72–83. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2023.38.53.007>.
8. Киселева М.С. Козачек А.В. Принципы создания образа лисы в русских сказках о животных, записанных в Сибири и на Дальнем Востоке. *Эпосоведение*. 2024;1(33):84–92. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2024-1-84-92>.
9. Кузьмина Р.П. Символические образы насекомых в эвенском фольклоре. *Эпосоведение*. 2025;3(39):142–152. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-142-152>.
10. Разаускас Д., Цивьян Т.В. Из мифологического бестиария: еж в космогонических преданиях (балто-славянский ареал). *Tautosakos darbai*. 2004;XXI (XXVIII):79–90.
11. Игнатенко И.А. Символические значения слов с корнем «-ёж-». *Наука в мегаполисе*. 2022;3(38) [Электронный ресурс]. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-38/world-reflected/symbolic-meanings-words.html> (дата обращения: 15.04.2025).
12. Аюпов Т.М., Бакиров А.А. О культе ежа у тюркских народов и применении его в народной медицине [Электронный ресурс]. URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1728 (дата обращения: 15.05.2025).
13. Басангова Т.Г. Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна. *Mongolica*. 2017;(19):34–37.
14. Убушиева Д.В. Мифология ежа в калмыцком фольклоре. *Новый филологический вестник*. 2021;2(57):392–403. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00059>.
15. Сафаралиев Б.С., Панасенко С.Л. Отражение животных в культуре народов мира. *Вестник Таджикского национального университета*. 2022;(11):176–184.
16. Тресиддер Дж. *Словарь символов*. Москва: ФАИР-ПРЕСС; 2001:204.

17. Рахно К.Ю. Ёж в сказках и нарттовском эпосе осетин: древнеиранские истоки образа. *Археология, этнография и языки Кавказа*. 2022;3(22):197–212. <https://doi.org/10.25990/archiveras.pchelina.jrv7-wm66>.
18. Жабелова Л. (ред.) *Мухтар Кудиев. Наследие предков*. Нальчик: Тетраграф; 2023:604.
19. Хаджиева Т.М. (ред.) *Къарачай-малкъар фольклор*. Нальчик: Эль-Фа; 1996:592 (на карачаево-балкарском яз.).
20. Джуртубаев М.Ч. *Древние верования балкарцев и карачаевцев (краткий очерк)*. Нальчик: Эльбрус; 1991:256.
21. Берберов Б.А. (ред.) *Къарачай-малкъар фольклорну своду. 5-чи том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы кёлден айтылгъан чыгъармачылыкъларыны гитче жанрлары*. Нальчик: Принт Центр; 2022:412 (на карачаево-балкарском и русском яз.).
22. Джуртубаев М.Ч. Духовная культура карачаево-балкарского народа. *Минги Тау* (Эльбрус). 1994;(1):105–216.
23. Джуртубаев М.Ч. (ред.) *Карачаево-балкарские мифы*. Нальчик: Эль-Фа; 2007:484.
24. Алиев С.Ч. (ред.) *Къарачай нарт сёзле*. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство; 1963:484 (на карачаево-балкарском яз.).
25. Отаров С.А. (ред.) *Малкъар халкъ жомакъла*. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство; 1963:324 (на карачаево-балкарском яз.).
26. Хаджиева Т.М. (ред.) *Чуу, чуу, чуу ала: назмучукъла, жырчыкълар, санаучукълар, тилбургъучла, жомакълар*. Нальчик: ГКУ «КБР-Медиа». Издательство «Эльбрус»; 2023:128 (на карачаево-балкарском яз.).
27. *Мудрый Ёж – кабардинская сказка* [Электронный ресурс]. URL: <https://skazkibasni.com/mudryj-yozh> (дата обращения 25.05.2025).
28. Алиева А.И. (ред.) *Сказки адыгских народов*. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»; 1978:406.
29. Ганиева А.М., Аджиев А.М. (ред.) *Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. Т. 1. Сказки о животных*. Москва: Наука; 2011:378.
30. Uther H.J. *The types of international folktales: a classification and bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson (FF communications no. 284–286)*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica; 2011:621 (на англ. яз.).
31. Березкин Ю.Е. Возраст мотива и способы его определения. *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2019;1(3):17–45. DOI: 10.28995/2658-5294-2019-1-17-45.
32. Малкондуев Х.Х. (ред.) *Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакълар*. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН; 2017:990 (на карачаево-балкарском яз.).

References

1. Gura AV. *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik Publ.; 1997:912 (in Russian).
2. Ilimbetova AF, Ilimbetov FF. *Animal cult in the mytho-ritual tradition of the Bashkirs*. 2nd ed., corrected and enlarged. Ufa: Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Gilem; 2012:704 (in Russian).
3. Ilimbetova AF. *Bird cult among the Bashkirs in light of the spiritual heritage of the peoples of the world*. 2nd ed., revised and enlarged. Ufa: Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of Russian Academy of Sciences Publ. House; 2015:282 (in Russian).
4. Basangova TG. Image of swallow in Kalmyk and Karachay-Balkarian folklore. In: Berberov BA. (ed.) *North Caucasian folklore study: history and modernity*. Nalchik: Print Centr Publ.; 2022:30–37 (in Russian).
5. Mosienko SE. Interpretation of animal images in Russian folk and literary fairy-tales. In: Alexandrova-Osokina ON. (ed.) *Book culture of the Far Eastern region: problems of history, methodology, intercultural communication*. Proceedings of the 4th All-Russian scientific and methodological conference (with international participation). Khabarovsk: Pacific State University Publ. House; 2022:224–229 (in Russian).
6. Gergokova LS. *Karachay-Balkarian fairy-tales about animals*. Nalchik: Print Centr Publ.; 2023:208 (in Russian).
7. Makarov SS. Serpents and serpent-like images in the Yakut heroic epic: towards a comparative study of demonology of the Turkic-Mongolian peoples. *Eposovedenie*. 2023;1(29):72–83 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/SVFU.2023.38.53.007>.

8. Kiseleva MS, Kozachok AV. Principles of creating the image of a fox in Russian fairy tales about animals recorded in Siberia and the Far East. *Eposovedenie*. 2024;1(33):84–92 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2024-1-84-92>.
9. Kuzmina RP. Symbolic images of insects in Even folklore. *Eposovedenie*. 2025;3(39):142–152 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-142-152>.
10. Razauskas D, Tsivyan TV. From the mythological bestiary: the hedgehog in cosmogonic legends (Balto-Slavic area). *Tautosakos darbai*. 2004;21(28):79–90 (in Russian).
11. Ignatenko IA. Symbolic meanings of words with the root “-yozh-”. *Science in a megapolis*. 2022;3(38) [Web source] (in Russian). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-38/world-reflected/symbolic-meanings-words.html> (accessed April 15, 2025).
12. Ayupov TM, Bakirov AA. About the cult of the hedgehog among the Turkic peoples and its use in folk medicine [Web source] (in Russian). URL: http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:1728 (accessed May 15, 2025).
13. Basangova TG. The image of Zar Tsetsen (Hedgehog the Wise) as a cultural hero in the folklore tradition of the Kalmyks and Oirats of Xinjiang. *Mongolica*. 2017;(19):34–37 (in Russian).
14. Ubushueva DV. Mythology of hedgehog in Kalmyk folklore. *New philological bulletin*. 2021;2(57):392–403 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2021-00059>.
15. Safaraliev BS, Panasenko SL. The reflection of animals in the culture of the peoples of the world. *Bulletin of the Tajik National University*. 2022;(11):176–184 (in Russian).
16. Tresidder Dzh. *Dictionary of symbols*. Moscow: FAIR-PRESS Publ.; 2001:44 (in Russian).
17. Rahno KYu. Hedgehog in Ossetian fairy-tales and the Nart epic: ancient Iranian origins of the image. *Archeology, ethnography and languages of the Caucasus*. 2022;3(22):197–212 (in Russian). <https://doi.org/10.25990/archiveras.pchelina.jrv7-wm66>.
18. Zhabelova L. (ed.) *Mukhtar Kudaev. Heritage of ancestors*. Nalchik: Tetragraf Publ.; 2023:604 (in Russian).
19. Khadzhieva TM. (ed.) *Karachay-Balkarian folklore*. Nalchik: El-Fa Publ.; 1996:592 (in Karachay-Balkarian).
20. Dzhurtubaev MCh. *Ancient beliefs of the Balkarians and Karachays (short essay)*. Nalchik: Elbrus Publ.; 1991:256 (in Russian).
21. Berberov BA. (ed.) *The set of Karachay-Balkarian folklore. Vol. 5. Small genres of folklore of Karachays and Balkarians*. Nalchik: Print Centr Publ.; 2022:412 (in Karachay-Balkarian and Russian).
22. Dzhurtubaev MCh. Spiritual culture of the Karachay-Balkarian people. *Mingi Tau*. 1994;(1):105–216 (in Russian).
23. Dzhurtubaev MCh. (ed.) *Karachay-Balkarian myths*. Nalchik: El-Fa Publ.; 2007:484 (in Russian).
24. Aliev Sch. (ed.) *Karachay proverbs and sayings*. Cherkessk: Karachay-Cherkassian Book Publ. House; 1963:484 (in Karachay-Balkarian).
25. Otarov SA. (ed.) *Balkarian folk fairy-tales*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publ. House; 1963:324 (in Karachay-Balkarian).
26. Khadzhieva TM. (ed.) *Chuu, Chuu, Chuu ala: poems, songs, counting rhymes, tongue twisters, fairy-tales*. Nalchik: KBR-Media, Elbrus Publ.; 2023:128 (in Karachay-Balkarian).
27. *The wise hedgehog – a Kabardian fairy-tale* [Web source] (in Russian). URL: <https://skazkibasni.com/mudryj-yozh> (accessed May 25, 2025).
28. Alieva AI. (ed.) *Fairy-tales of the Adyghe peoples*. Moscow: Nauka Publ.; 1978:406 (in Russian).
29. Ganieva AM, Adzhiev AM. (eds.) *Collection of folklore monuments of the peoples of Dagestan: in 20 volumes. Vol. 1. Animal tales*. Moscow: Nauka Publ.; 2011:378 (in Russian).
30. Uther KhJ. *The types of international folktales: a classification and bibliography, based on the system of Antti Aarne and Stith Thompson (FF communications no. 284–286)*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica; 2011:621.
31. Berezkin YuE. A motif's age and ways to determine it. *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2019;1(3):17–45 (in Russian). <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2019-1-17-45>.
32. Malkonduev KhKh. (ed.) *The set of karachay-balkarian folklore. T. 3. Karachay-balkarian fairy-tale*. Nalchik: Editorial-publishing department of IHR KBSC RAS; 2017:990 (in Karachay-Balkarian).

Об авторах

Басангова Тамара Горяевна, доктор филологических наук, заведующая сектором международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве», ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», ORCID: 0000-0002-4415-3530, e-mail: basangova49@yandex.ru.

Фаризат Хасановна Гулиева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», ORCID: 0000-0001-8883-4613, e-mail: gfariza37@mail.ru.

About the authors

Tamara G. Basangova, Dr. Sci. (Philology), Head of the Sector of the International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian space”, B.B. Gorodovikov Kalmyk state university, ORCID: 0000-0002-4415-3530, e-mail: basangova49@yandex.ru.

Farizat Kh. Gulieva, Cand. of Sci. (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore, Institute for the humanities research – affiliated Federal scientific center “Kabardian-Balkarian scientific center of the Russian Academy of Sciences”, ORCID: 0000-0001-8883-4613, e-mail: gfariza37@mail.ru.

Вклад авторов/Authors' contribution

Басангова Т. Г. – разработка концепции, методология, проведение исследования, редактирование рукописи.

Гулиева Ф. Х. – верификация данных, проведение исследования, создание черновика рукописи.

Tamara G. Basangova – conceptualization, methodology, investigation, writing – review & editing.

Farizat Kh. Gulieva – validation, investigation, writing – original draft.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автор(ы) заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Один из авторов – Басангова Тамара Горяевна является членом редакционной коллегии журнала «Эпосоведение». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors declare no relevant conflict of interests

One of the authors – Tamara G. Basangova is a member of editorial board of *Eposovedenie*. The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 07.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.11.2025

Принята к публикации / Accepted 16.12.2025